

МЕЖДУ ДВУМЯ ПОЛЮСАМИ

[СТЕПУН Ф. А. БОЛЬШЕВИЗМ И ХРИСТИАНСКАЯ ЭКЗИСТЕНЦИЯ.
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ / СОСТ. В.К. КАНТОР. М.; СПБ.:
ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2017. 896 С.
(СЕРИЯ «ПИСЬМЕНА ВРЕМЕНИ»)]

Александр Кириллович Страхов

Бакалавр факультета гуманитарных наук Школы философии НИУ ВШЭ.
E-mail: akstrakhow@gmail.com

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-185-189

Введение

Предмет рецензии — составленный В. К. Кантором второй¹ том избранных сочинений Ф. А. Степуна «Большевизм и христианская экзистенция». Книга включает не только заглавный труд философа, но и его мемуары «Встречи», статьи «Современный философский распад и философское значение критицизма», «Родина, отечество и чужбина», «О корнях большевизма, о демократии, свободе и будущем России», «Нация и национализм» и другие избранные сочинения, а также воспоминания о самом Степуне. В то время как первый том, условно говоря, предлагает очерк биографии автора до эмиграции, второй больше рассказывает о том, что произошло после.

Здесь будет предпринята попытка осмыслить особое место данного издания в ряде книг Степуна и о Степуне, выявить неоднозначные места и понять логику составителя: почему именно эти сочинения и именно таким образом вошли в том. Помимо этого попробуем выделить и обнажить проблематический нерв, проходящий через все публикуемые сочинения философа: религия и политика так или иначе затрагивают всякого, и каждый обращает внимание на эти области. В таком случае перед субъектом встают два вопроса. Первый: действительно ли является личным для него обращение к религии и политике, и — второй — как сосуществуют и соотносятся обе области в его восприятии?

Прежде чем реконструировать логику составителя книги, обратимся к общему исследовательскому контексту. Изучение творчества Степуна затруднено, во-первых, невозможностью соотнести его учение с одной из общих классификационных моделей. Он не религиозный философ, не социолог, не публицист: его метод являет собой синтез всех этих начал. Во-вторых, нуж-

¹ По замыслу объединяющийся с более ранним изданием: Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. статья, вступление и комментарии В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009. 807 с.

но иметь в виду, что часть текстов Степуна написана по-немецки, другая — по-русски, и единая языковая картина мира в такой ситуации выстраивается с трудом. Итак, каково значение Степуна и в рамках современного ему периода, и относительно нынешних исследований? И, наконец, что нового предлагается в данном томе избранных сочинений?

Чтобы критически верно оценить подборку сочинений Ф. А. Степуна в книге «Большевизм и христианская экзистенция», стоит отметить, что дело обстоит необычно: долгое время Степун был неизвестен в России, что изменилось благодаря усилиям В. К. Кантора. В Германии же, где предпринимались свои попытки изучения творчества философа (в трудах К. Хуфен, В. В. Янца, Л. Люкс), по вышеупомянутым причинам концептуализация не состоялась. Данное собрание в том числе направлено на устранение остаточной неизвестности и сопутствующих затруднений.

Нельзя умалить ценность данного собрания работ Ф. А. Степуна, составленного В. К. Кантором, и не обратить внимания читателя на особенную возможность приобщиться к наследию философа. В чем же особенность? С этого, пожалуй, можно начать обращение к содержанию.

Новизна и проблематика издания

Думается, что главной задачей Кантора было не столько показать широту вопросов (политических, художественных, философских, религиозных и др.), интересовавших Степуна и ставших предметом его статей, сколько воссоздать его цельную и неделимую личность, обеспечившую стройность и непротиворечивость его концепций при всем их многообразии. Вот почему центральным и оживляющим моментом представляется чрезвычайная гуманитарность сборника: он составлен таким образом, что все тексты мыслятся как продолжающие и дополняющие друг друга при всей разности проблематики. Перед нами всестороннее и органичное свидетельство единства мышления, не допускающее узконаправленного и подавляющего чтения/понимания наследия Степуна. Это может показаться как несоизмеримым достоинством, так и непонятным излишеством, не каждому интересным, однако воля читателя может и не совпадать с волей составителя. Меж тем у Кантора не было цели углубиться в ту или иную область жизни Степуна; все в том же смысле сочинения вызывают читателя на сотворчество, а не провоцируют создание пусть глубокой, но ограниченной концепции. Перед нами цельная человечность, сохранившаяся и в работах Степуна разных лет, тем, жанров, и в памяти его современников.

Таким образом, особая композиция «Избранных сочинений» двойственна по отношению к читателю, только положившему начало знакомству с насле-

дием Степуна. С одной стороны, чтение «Большевизма и христианской экзистенции» обязательно пробуждает в читателе, не лишенном толики чуткости, ощущение живой связи и заинтересованности, при котором подлинное понимание и интерпретация мысли оборачиваются взаимодействием с текстом как бы самим по себе. Здесь же начинается и другая сторона: мы узнаем Степуна как гуманитарного деятеля, но не как собственно социолога, или собственно публициста, или собственно философа. Стоит уточнить, что духовная жизнь Степуна, ее развитие представлены настолько полно, насколько это вообще возможно в сборнике; понимая человека, мы сначала вынуждены обобщать, отказываясь от конкретности, чтобы потом диалектически возвратиться к ней. Тонкости мысли Степуна, последовательное и основательное рассуждение, оставшись лишь намеченными в его статьях, обязуют читателя продолжить приобщение к мысли автора.

Большевизм и христианская экзистенция являются как бы двумя полюсами, между которыми разворачивается содержание данных текстов, с одной стороны, с другой же — время жизни Степуна. Можно даже в романтическом ключе сравнить их с двумя началами, наиболее существенными для данного автора, где первое — темное, хтоническое, требующее, а второе — светлое, проясняющее, любящее; между ними существует связь, но вместе с тем качество этой связи может быть различным. На понимание этого феномена и направлены столь многие усилия Степуна, остро видящего привходящую, но от этого не менее болезненную разрозненность. Нельзя понять этих усилий, не поняв того, кто их прикладывал.

Отдельно стоит отметить воссоздание Кантором наиболее полного русского текста «Большевизма и христианской экзистенции».

Достоинства и недостатки издания

Не повторяя описанного ранее, можно отметить: уже в первом разделе обозначены сквозные темы, пронизывающие остальные тексты. Похожим образом первая статья в разделе как бы завязывает сюжет или задает тон, в соответствии с которым происходит развитие той же линии в последующих текстах. Полезные всякому новому читателю мнения современников об авторе располагаются в конце, и это естественным путем позволяет ему составить свое суждение прежде иных, пусть даже авторитетных. Все это, помимо здравого смысла и чувства меры, не только представляет собой упомянутый общий проблематический нерв, но и обеспечивает композиционное единство, в том числе и с томом «Жизнь и творчество». Такая структурная строгость, нелегко достижимая, очень пригодится всякому исследователю Степуна как образец последовательности и упорядоченности, удобный для классификации, но

вместе с тем и допускающий свободу интерпретации, конечно, неизбежную при всяком составлении.

Комментарии, как водится, дело почти всегда заведомо и полностью провальное, хотя бы потому, что баланс качества и количества, во всяком случае, труднодостижим и только при сужении задачи и определенном везении может быть осуществлен. Комментарии данного тома по преимуществу ориентированы на большую или меньшую потребность в укреплении исторической и контекстуальной осведомленности. И хотя они вполне отвечают этой задаче, находятся и примеры обыкновенной недооценки подготовленности читателя. Однако с подобной дилеммой сталкивается всякое издание: проговорить очевидное или умолчать о неясном?

Еще раз отметим тот зазор между текстами, о котором говорилось в связи с углублением тем: иногда при переходе от одного сочинения к другому создается впечатление тематического скачка. Стилистически разноплановое, но содержательно единое собрание произведений Степуна само по себе воспринимается несколько двойственно, однако к концу тома это впечатление снимается. На протяжении всего тома представления о Степуне, возникающие с разных сторон, наполняются так, что и зазоры между разными сторонами как бы утрачиваются.

Заключение

В завершение повторим главные моменты. О наиболее важном единстве личности, удачно отображенном в данном случае, было сказано немало. Адаптация текста и содержательно, и формально выполнена доходчиво и открыто, одновременно без ущемления читателя и с уважением к автору. И для случайно любопытствующего, и для профессионально заинтересованного в данном сборнике найдется немало ценного и полезного. Актуальность, более очевидная специалистам, станем явной и для широкого читателя.

Наконец, стоит отметить подчеркнутую еще более полувека назад в одной из многочисленных рецензий на «Большевизм и христианскую экзистенцию» важность мысли Степуна относительно российской геополитической идентичности: «Принадлежит Россия к Европе или к Азии? Вопрос, которому Степун придает такое большое значение, считая, что защита Европы от советского коммунизма возможна только при условии, что на Россию будут смотреть не как на азиатский аванпост в Европе, а как на европейский в Азии» (Rainer, 1959). Несомненно, что мир переменялся и что теперь политические и социальные отношения и понятия прошлого не могут быть применены так же; зачем же изучать Степуна в данном контексте, не принимая во внимание уроки истории?

По меньшей мере для того, чтобы иметь представление о такого рода применимости: о ее границах, о ее следствиях, выходящих за границы, и многом прочем, что открывается при чтении Степуна. По наибольшей мере можно было бы попытаться развить в соответствии с современностью авторские взгляды, дабы разграничить привходящее и пребывающее в них. Например, дихотомия Азия и Европы имеет уже совсем иной смысл, чем во время написания произведений Степуна, но чуткий исследователь может подобрать удачные синонимы, отвечающие положению дел сегодня. Глубинная и таинственная связь политического и религиозного, размышления о ней — наглядный пример того актуального, к чему может обращаться не только российское общество, но и всякое, обнаружившее хотя бы только возможную опасность внутреннего раскола.

Литература

Refernces

Rainer C. (1959). Rußland — asiatischer Vorposten in Europa? // *Der Tagesspiegel*. Berlin. 13. 5.